

<Вверху листа А. Г. Достоевской поставлен год карандашом: 1864. – Ред.>

18 апрѣля

Нынѣ получилъ я письмо твое съ печальною вѣстію. Милый, добрый другъ мой, я все это время, съ самой нашей разлуки, такъ много и такъ часто думалъ о тебѣ, о тѣхъ безконечныхъ мученіяхъ, которыя ты ежечасно переносишь, смотря на агонію Марьи Дмитревны, что самъ болѣлъ твоею болью. Дай Богъ ей царство небесное. Врагомъ ея ни я, /и/ никто изъ моихъ не былъ – ты это хорошо знаешь, да и покойница, я полагаю, это тоже знала.

Нынѣ, вѣроятно, были похороны, и Паша пріѣхалъ вовремя. Странно, что такъ запоздала депеша. Мы получили её ночью въ 3 часа на 17 число. 17го же утромъ я скрутилъ Пашу

// л. 37

и отправилъ его къ тебѣ <В рукописи: тебя – ред.> и сейчасъ же послѣ его отъѣзда, такъ около часа, я получилъ твое письмо, въ которомъ ты пишешь мнѣ о присылкѣ денегъ. Съ Пашей я послалъ тебѣ, что могъ въ настоящую минуту, потомучто были платежи, именно 100 р. – Все равно, рассчиталъ я, безъ займа ты не обошелся бы. Сверхъ того, я долженъ былъ отложить неприкосновенными 300 р. для Боборыкина, на случай, если пришлось бы выдать. Это дѣло чести, и потому просить подождать нельзя. Но теперь ты самъ пріѣдешь скоро и самъ ихъ отдашь. Они хранятся у

// л. 37 об.

меня къ твоимъ услугамъ.

Чѣмъ больше я раздумываю о теткѣ, тѣмъ болѣе укрѣпляюсь въ мысли, что я поступаю благоразумно. Я бы только даромъ проѣздили. Этотъ шагъ еще не уйдетъ.

Зазвонили къ заутренѣ, зажгли плошки и по городу пошолъ гуль отъ колоколовъ и экипажей – Христось воскресъ! Обнимаю тебя крѣпко. Не горюй, голубчикъ.

весь твой М. Дост<оевскій>

Р. S. Береги себя. Вѣроятно хоронили на Лазаревомъ. Я все думаю и боюсь, чтобъ ты не простудился.

Береги себя – это главное.

Проценты теткѣ 1000 р. я заплатилъ-бы впередъ. На *это* напирай. Ей нужны наличныя.

// л. 38